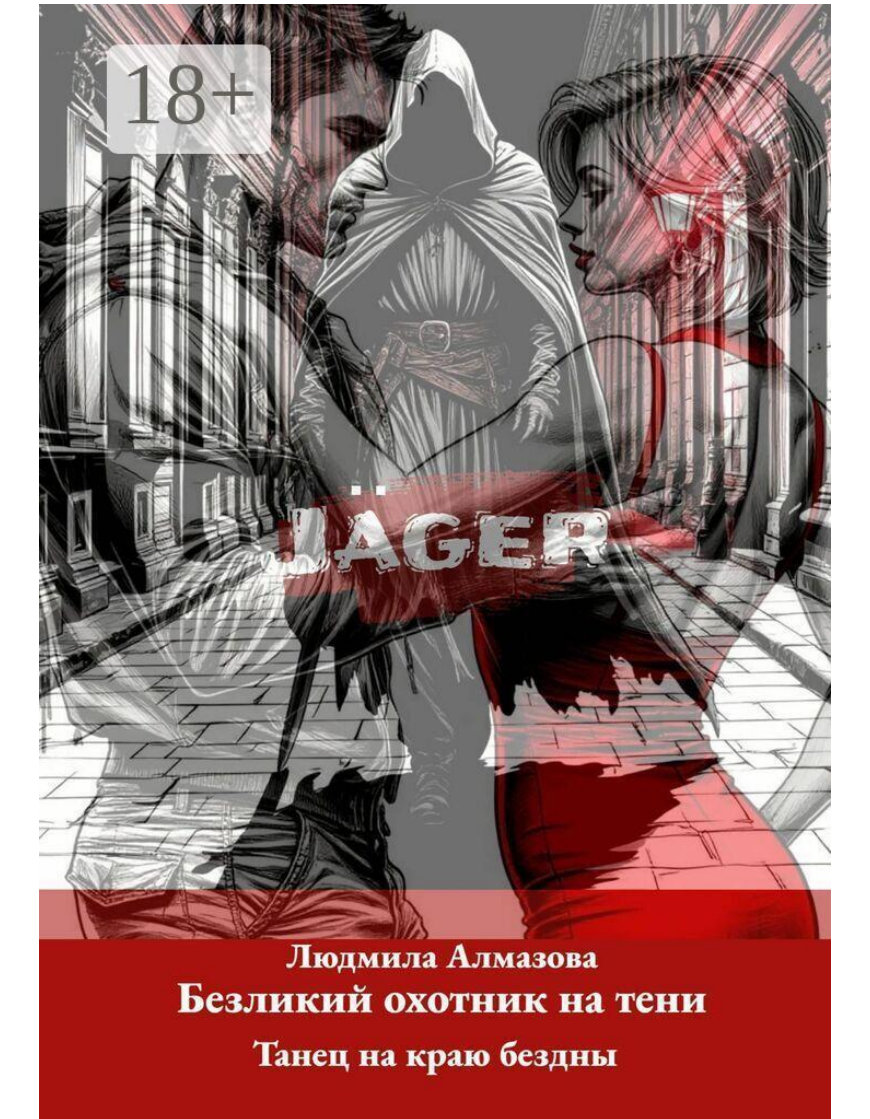

The book cover features a detailed illustration in a comic or pulp style. A man in a dark, hooded cloak with a belt and a woman in a red dress are the central figures, looking at each other in a dramatic pose. They are standing on a cobblestone street in a city with tall, classical-style buildings. The illustration is rendered in black and white with red highlights, particularly on the woman's dress and the man's hood. A semi-transparent grey box in the top left corner contains the text '18+'. The title 'HAGER' is written in a large, stylized, metallic font across the middle of the image, with a red horizontal band passing through it.

18+

HAGER

Людмила Алмазова
Безликий охотник на тени
Танец на краю бездны

Людмила Алмазова

Jäger: безликий охотник

на тени. Танец на краю бездны

<https://litres.ru/74151843>

ISBN 9785007012669

Аннотация

Реальность — метафизична и пронизана силами, которые большинство людей не способны даже осознать. Тени забытых душ цепляются за живых, Иные ищут лазейки в наш мир, управляют человеческим страстями и сознанием... Только Орден Сумеречных Охотников стоит на страже. Их командир — Jäger вновь столкнётся с тенью прошлого, которая тянется за ним, словно проклятие...

Роман заставляет читателей задаться вопросом: а что, если за гранью привычного мира действительно скрывается нечто... иное?

Содержание

Глава 1. Возвращение в семью	5
Горячий приём	5
Биология судьбы	12
Старый лис	23
Коварный замысел	31
Этический кодекс	36
Дело №347-Б	41
На сеансе у психотерапевта	46
Экспансия	56
Чёрный Клинок	62
Тихий переворот	68
Глава 2. Искушение	74
Ева	74
Радости жизни	78
Конец иллюзиям	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

**Jäger: безликий
охотник на тени
Танец на краю бездны**

Людмила Алмазова

© Людмила Алмазова, 2026

ISBN 978-5-0070-1266-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Возвращение в семью

Горячий приём

В центре штаб-квартиры Сумеречных Охотников, спрятанной среди лесов Лосинового острова невидимой магической завесой, царил ажиотаж. Он напоминал подготовку к штурму вражеской крепости. Только целью была не цитадель, а человек. И вместо атаки — стремление передать словами невыразимое: чувство облегчения.

Самый главный охотник возвращался в строй.

Марк, как полевой командир перед важной битвой, беспокойно расхаживал по залу для совещаний. Праздничный стол был почти готов.

— Катя, разложи салфетки! Бери фирменные, с печатью,
— распорядился Марк, обращаясь к одной из теней.

Полупрозрачная рука тут же уронила пачку обычных бумажных.

— Михалыч, придвинь стол чуток к окну! Чтобы свет падал с улицы, а не от ламп!

— Какой в том прок? Скоро ночь грянет, — сухо заметил Михалыч — мужчина средних лет с внешностью медведя, но послушно рванул на себя дубовую махину.

Даже тени, обычно безмолвные, как дым от очага, сколь-

зили сквозь стены, проверяя границы барьера на признаки «радостных возмущений», вызванных возвращением командира. Враги тоже могли уловить эти тонкие эманации.

Воздух трещал от сдерживаемой энергии ликования и запаха жареного мяса с можжевельником.

Лиза стояла у края стола, механически расставляя бокалы. Её пальцы, словно ледышки, плохо слушались. В голове метались мысли: «Он едет. Он жив. Он вернулся». И тут же, как удар обухом: «Алексей... Твоя попытка убежать. Твоя измена самой себе»...

Девушка украдкой взглянула на дверь. «Не смотри. Не выдавай себя» — она научилась этому всего за месяц. Научилась прятать дрожь в голосе, когда спрашивала у Марка о его состоянии. Научилась гасить в глазах тот немой вопрос: «Помнит ли он моё признание? Ту секунду перед пропастью?».

Кора тоже волновалась и, разумеется, была в центре внимания. В платье, напоминавшем то ли вечерний наряд, то ли боевую кожу для ближнего боя, она командовала «атмосферой».

— Музыку! Потихе! Что-то... эпичное, но без слов. Чтобы не перебивать первый тост!

Её взгляд, острый и влажный, также был прикован к двери. Но в нём не было сомнений, только расчёт. Новое тело командира. Новые желания. Новые возможности...

В дальнем конце коридора слышались приветственные

возгласы охраны. Затем раздались шаги. Не быстрые, не тяжёлые. Размеренные. Те, что можно узнать из тысячи, даже сквозь гул голосов.

— Идёт! — зашипел молодой оперативник, высовываясь из коридора. В зале наступила мгновенная, звенящая тишина. Даже тени замерли, став чуть отчетливее, как бы втянувшись в момент.

Ручка повернулась, дверь бесшумно открылась, и в проёме показался Jäger.

Он был бледен, но не призрачной бледностью прошлой маски, а естественной, человеческой. Эта бледность казалась плотной, насыщенной: под ней чувствовались плоть и кровь, а тени от ресниц ложились на щёки. На нём не было его знаменитого плаща, только чёрная униформа Сумеречных. Теперь она сидела иначе — подчеркивала плечи, придавала вес и чётко выделяла его присутствие в пространстве.

На секунду Охотник замер. Взгляд — всё тот же, ледяной, сканирующий — обвёл зал: стол, гирлянды, лица, застывшие в улыбках и ожидании. Врачи сказали «восстановление произошло с нечеловеческой скоростью». Он видел в глазах сослуживцев вопросы, чувствовал их каждой клеткой своей новой кожи.

— Ну что, — голос Jäger прозвучал хрипловато. — Решили, что раз я выжил в логове у дьявола, надо проверить, выживу ли я после банкета?

Смех прорвался нервным, громким взрывом, снимая на-

пряжение. «Ура!», «Командир!», «Добро пожаловать домой!» — крики слились в общий гул. К нему потянулись руки для пожатия и осторожных похлопываний по спине.

Лиза не сдвинулась с места, сжав бокал так, что пальцы побелели. Она впитывала его присутствие. Видела усталость в уголках глаз, новую жёсткость в линии губ. Видела, как он слегка замедлился, принимая объятия старого теневого стража — тело ещё болело. И в её груди сквозь лёд пробивалось что-то тёплое и острое, от чего перехватывало дыхание. Он здесь. Настоящий.

И тут же, как пощёчина, всплыло лицо Алексея. Доброе, с тёплыми глазами, полными спокойной силы гор.

Лиза и Jäger встретились взглядами. Всего на долю секунды. В его глазах не было эмоций. Был просто контакт. Констатация: «Ты здесь. Я вижу». И этого было достаточно, чтобы сердце девушки упало в пропасть стыда и тоски.

Он отвёл глаза, принимая кубок из рук Марка. Лиза выдохнула, не осознавая, что задерживала дыхание. Битва только начиналась. Не с демонами. С собой. А он, даже не зная того, уже был в её тылу.

Все присутствующие не отрывали глаз от командира. И тот в конце концов не выдержал.

— Хватит глазеть, как на привидение, — сухо бросил Jäger, сделав шаг вперёд. Его голос, хоть и слегка хриплый, звучал более по-человечески. — Впрочем, ваше любопытство вполне понятно, учитывая ситуацию.

Охотник подошёл к столу. Движения остались прежними — экономными, точными, но чуть тяжелее. Плоть давила. Кости ныли. Сердце стучало громко, как барабан в тишине, выдавая его усталость.

— Садись, командир, — Марк пододвинул стул во главе стола. — Доктора говорят, ты восстанавливаешься с невероятной скоростью.

В голосе заместителя проскользнула едва заметная, но отчетливая вопросительная интонация.

Jäger опустился на стул. Боль, тупая и глубокая, отозвалась в рёбрах. Он принял бокал с водой, который предложил Марк, почувствовав прохладу стекла (вино в чистом виде пока не входило в его рацион).

— «Нечеловеческой» — ключевое слово, Марк, — тихо произнёс Охотник. — Я вышел из Межмирья. Но Межмирье не вышло из меня.

Он поднял руку и медленно провёл ладонью над пламенем свечи в центре стола. Ох уж эти свечи... Женщины почему-то считают их неотъемлемой частью торжественных моментов. Огонь... отреагировал. Не погас, не вспыхнул. Он изогнулся, потянулся к его коже, как железные опилки к магниту, застыв в неестественной, завораживающей арке. В воздухе запахло озоном.

В зале воцарилась звенящая тишина.

— Я чувствую ткань реальности, как раньше, — продолжал Jäger, опуская руку. Огонь снова заколыхался нормаль-

но. — Вижу разрывы, слышу шёпот иных слоёв. Но теперь... теперь я чувствую это кожей. Каждым нервом. Это не сканирование. Это боль. Их боль. Боль мира, где законы физики рвутся, как гнилая ткань.

Лиза ахнула, прикрыв рот ладонью. В её глазах стояли слёзы. Не от страха. От понимания.

— Значит, ты стал... сенсором, — констатировала Мила Алеф своим низким, медовым голосом. — Живым прибором для измерения патологий реальности.

— Хуже, — Jäger позволил себе горькую усмешку. — Я стал интерфейсом. Межмирье пытается залатать дыру, которой я был. И использует для этого то, что осталось от меня. Я не просто вижу аномалии. Я... притягиваю их. Моё новое тело — не до конца стабильно. Оно — как шрам на реальности.

Кора медленно выпрямилась. Голод в её глазах сменился на азарт охотницы:

— То есть вы теперь лучшая приманка в истории Ордена?

— И самая уязвимая цель для Братства Забытых Печатей, — мрачно добавил Марк. — Если они узнают...

— Они уже знают, — прервал его Jäger. Он откинулся на спинку стула, и тень от свечи легла на его теперь уже вполне человеческие, но измождённые черты. — В больнице. Я чувствовал... взгляд. Не человеческий. Взгляд сквозь слои. Они наблюдают. Ждут, пока шрам не откроется.

Он обвёл взглядом стол — своих охотников, своих друзей,

свою странную, искалеченную семью.

— Так что этот праздник, — он кивнул на изобилующий закусками стол, — возможно, последняя тихая ночь. Я вернулся. Но я принёс с собой бурю. И теперь наша задача — не охотиться в ней... а возглавить её.

Он поднял бокал с водой. В тишине это был самый громкий жест.

— За возвращение. К какой бы реальности оно ни привело.

Все молча подняли свои бокалы. В их глазах горело не просто уважение. Горело понимание: их командир, их призыв, их Jäger умер в Межмирье. А вернулся кто-то другой. Не человек. Не охотник. Нечто третье. И его первая битва только начинается.

Биология судьбы

Дубовая дверь мягко щёлкнула, отсекая гул праздника. В комнате царила тишина, нарушаемая потрескиванием поленьев в камине (Jäger любил открытый огонь) и мерным тиканьем старинных часов. Стрелки старого механизма были сделаны из кости... никто не знал — из чьей именно. Часы являлись древним артефактом, трофеем охотников.

Jäger резко бросил кожаную куртку на спинку кресла, затем подошёл к боковому столику. Он налил в два бокала не вино, а тонизирующий эликсир Сумеречных — чистый спирт на травах.

— Семья, — произнёс он без тени иронии, протягивая один бокал Марку. — Готовая завалить тебя едой, заботой и вопросами. Но это моя семья. Спасибо, Марк. Мне это... было важно. Убедиться, что я ещё кому то нужен.

Марк скрестил свой фужер с командирским.

— Реально как боль в пояснице после восьмичасовой слежки. Более реального не придумаешь. — Разведчик сделал глоток, поморщился. — Итак, командир, давай ещё пройдемся по добытым сведениям. Ты побывал на аудиенции у... власть имущих. Понял, о чём их спор или... сделка? Что нас — смертных муравьёв ждёт? Боги собираются перекраивать реальность?

Jäger повертел в руках хрустальную «чарку», потянул из

неё привычную энергию и отвернулся к карте на стене. Его взгляд скользнул по линиям метро, рекам, кладбищам.

— Они не боги, Марк. Они — менеджеры. Древние, могущественные, но менеджеры. Реальность для них — проект. Человечество — то ли полезный баг, то ли системная ошибка, то ли... ресурс. Григори, наши покровители, считают, что ошибку можно локализовать и использовать. Архонты... склоняются к перезагрузке. Медленной, поэтапной. Наше вымирание — не злоба, а «санитарная очистка».

В камине с треском лопнуло полено, выбросив сноп искр.

— Наша задача не в том, чтобы выиграть у них войну, — продолжил Jäger, обернувшись. В его глазах отражался огонь. — Наша задача — сделать так, чтобы война стала для них невыгодной. Чтобы человечество, его души, его хаос и его свет стали не ошибкой, а... неудаляемым файлом. Ключом к чему-то, что им нужно.

— Значит, не защита, — заключил Марк, его ум разведчика уже строил схемы. — Интеграция. Мы должны вплести человечество так глубоко в ткань всех миров, чтобы его извлечение рвало бы всё к чёртовой матери. Амбициозно... безумно. Почти невозможно.

— Почти, — согласился Jäger. Он помолчал. — Как там Алтай, «волки»?

Марк отложил стакан.

— Волнуются. Шлют дары... Иван спрашивает, не нужна ли их помощь. — Марк произнёс это нейтрально, но между

слов висело невысказанное.

Jäger лишь кивнул, будто речь шла о погоде.

— С ними нужно держать связь. Их магия земли — другая. Не городская... Она может быть особенно полезной против... абстрактных угроз. — Он перешёл к следующему пункту. — Архилох. Когда его ждать?

— Через три дня. Говорит, хочет «оценить состояние актива».

Марк изобразил брезгливую гримасу. Назвать командира «активом» мог только циничный бюрократ от Владык.

— Нужно продумать, что показывать, а что нет. Особенно... твои новые таланты или... слабинку.

Jäger наконец сел в кресло, и тело его, на мгновение, обмякло, выдав усталость.

— С новыми талантами проблема, Марк. Я чувствую... всё. Каждый сквозняк — как лезвие. Каждый взгляд со стороны — как давление. Я слышу, как барьер Ордена «поёт». Это не сканирование. Это боль. Постоянная, фоновая боль от соприкосновения с миром. Я будто родился заново, без кожи.

Марк внимательно посмотрел на командира. Он видел не только усталость, а ту самую «некоженность» — будто Jäger постоянно носил не подогнанный, чужой доспех из собственной плоти.

— Слушай, насчет этих... новых ощущений, — осторожно начал заместитель, отставляя стакан. — Ты не просто ра-

ненный, которого выходили. Ты — артефакт, переписанный Межмирьем. Обычные врачи, даже наши, тут бессильны. Тебе нужен не хирург, а... настройщик. Тонкой работы.

Jäger поднял на друга взгляд, в котором мелькнуло понимание. И досада.

— Мила.

— Именно, — кивнул разведчик. — Она не только «правит мозги» и вытаскивает мусор из подсознания. Её дар — психо-соматическое восприятие. Она видит не тело и не душу отдельно, а их сплетение — тот самый узор, о котором твердит. Если кто и сможет «прочесть», что Межмирье с тобой сделало на уровне твоей новой биологии, и как к этому адаптироваться... так это она. Наша психоаналитик, психотерапевт, транспрактик... и кто она там ещё. Три в одном, короче... Она поможет тебе не заглушить боль, а перенастроить восприятие. Сделать так, чтобы «пение барьеров» стало не режущим сигналом, а фоновой музыкой, которую можно игнорировать.

Jäger усмехнулся, но в этот раз без горечи. С согласием. Он по себе знал, на что способна Мила Алеф. Её вмешательство в прошлом было точечным, болезненным, но всегда — освобождающим. Она не лечила. Она приводила в порядок хаос внутри, давая силы жить с тем, что нельзя изменить.

— Ладно, — выдохнул Охотник. — Договорись с ней. Но предупреди: если она полезет копать в моих новых... «интерфейсах» с реальностью, есть риск, что она сама зацепится

за что-то липкое из Межмирья. Пусть готовится.

— Она всегда готова к липкому, — парировал Марк. — Для неё это как для нас запах пороха — признак профессионализма. — Возможно, тебе стоит знать... — потирая переносицу добавил разведчик

Jäger просканировал заместителя ледяным, острым взглядом.

— Когда тебя привезли, — продолжил Марк, — ты был на грани. Твоя система не брала донорскую кровь из банка. Ни одну. Тогда... Лиза предложила свою. Мы проверяли на совместимость — шансы были ничтожны. Но... она сошлась. Идеально. Как будто твоя кровь жаждала её. Она стала донором. Не единственным, но ключевым.

В воздухе повисла тишина, густая, как смола. Тиканье часов стало оглушительным.

Уголок губ Jäger дрогнул. Затем дрогнул снова. На его бледном, сосредоточенном лице появилась медленная, горько-ироничная усмешка. В ней переплелись изумление, фатализм, горечь и нежная грусть.

— Вот тебе раз, — прошептал Охотник, глядя в пламя камина, будто видя в нём разворачивающиеся карты. — Вот тебе и кровное родство, о котором ей твердили карты. Не метафора. Не духовная связь. Буквально. В венах.

Командир Сумеречных откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. Теперь он понимал — больше, чем прежде. Осознал, почему её присутствие ощущалось как-то иначе. Поче-

му её взгляд сегодня проник так глубоко. Это была не просто привязанность ученицы или влюблённость. Это была биология судьбы. Пути, сплетённые из самой плоти и тайных законов мироздания.

— Бедная девочка, — тихо произнёс Jäger, уже не Марку, а самому себе. — Мечтала о чистой любви... а оказалась привязана к ходячей аномалии. Кровью.

Марк молча наблюдал. Они только что обсуждали новую партию в космической игре, последствия которой не мог предсказать никто. Ни карты Таро, ни архонты, ни Владыки. На этом фоне любовь выглядела нелепо.

Тихий, почти неслышимый стук в дверь прозвучал как выстрел в тишине. И следом появилась Лиза. Jäger и Марк переглянулись.

— Пойду-ка я проверю, что там наши, — тут же нашёлся разведчик, вставая с преувеличенной неспешностью. — Судя по шуму, собираются тусить до рассвета. Не удивлюсь, если Кора к утру организует штурм какого-нибудь невидимого бара.

Марк вышел и тихо закрыл за собой дверь. Лиза стояла у порога, будто не решаясь сделать шаг в святилище. Она не смотрела прямо на Охотника, её взгляд скользил по картам на стене, по стеллажу с книгами, по потолку...

— Прости, что отрываю, — голос девушки звучал тише обычного. — Просто... хотела убедиться, что ты в порядке. Не при всех.

Jäger жестом махнул в сторону кресла напротив своего.

— Садись. Ты никого не отрываешь. И вообще... ты — причина, по которой я вообще могу сидеть здесь и говорить.

Лиза села, сцепив руки на коленях. Между ними разлилось молчание, густое и насыщенное невысказанными тайнами.

— Спасибо, — наконец прервал неловкий момент Jäger. В его голосе не было официальности, лишь тихая, бездонная признательность. — Марк мне рассказал. О крови. Без неё... меня бы не было. Вообще.

Лиза вздрогнула, будто от прикосновения. Она наконец подняла на него глаза.

— Карты говорили о родстве. О связи, которую не разорвать. Я думала... о душе. О судьбе. А оказалось — всё проще. Просто биология. Просто... кровь.

Jäger слегка склонил голову.

— Иногда самый глубокий миф прячется в самом простом факте, — процитировал он негромко. — Но кровь — это не просто факт. Это река, по которой плывут все наши легенды. Ты спасла не тело, Лиза. Ты спасла продолжение истории. Моей. Ордена. И за это... — он сделал паузу, подбирая подходящий смысл, который не давил бы грузом. — За это я буду благодарен всегда. Даже если эта благодарность станет для тебя тяжёлой ношей.

Лиза отвернулась, чтобы он не увидел блеска в её глазах.

— Она уже стала, — прошептала девушка — Потому что

я... мы с Алексеем... — голос её сорвался. Она сделала глубокий вдох. — Мы переступили черту. Он... он стал моим первым... мужчиной.

Слова повисли в воздухе, острые и неловкие. Jäger не дрогнул. Он лишь смотрел на эту наивную девчушку с тем пониманием, которое было старше и глубже любой откровенности.

— Алексей — хороший человек. Сильный. Чистый. У него за плечами своя боль, свой пепел несбывшегося. А у тебя — своя. Две раны иногда могут срастись, образовав не рубец, а новую живую ткань, — Охотник тщательно искал нужные слова. — Я рад, что у тебя есть он. Что ты не одна.

— Но я люблю тебя! — голос Лизы прозвучал глухо, как будто кто-то сжал горло. — Я буду любить тебя всегда... Это неправильно по отношению к нему и ко мне. Но я не могу иначе. Я останусь с ним. Буду делать вид, что всё хорошо. Не дам повода для подозрений. Но внутри всё рушится...

Jäger видел её боль. Чувствовал её физически — как дрожь в воздухе, как ещё один отголосок в хоре его нового, обострённого восприятия. Это было почти невыносимо.

— Любовь — не клетка, Лиза. Это пейзаж, в котором мы живём, — нашёлся Охотник, и голос его прозвучал как далёкий колокол. — Иногда в этом пейзаже есть горы, к которым тянется сердце, но жить приходится в долине, у тёплого костра. Это — жизнь... Боль утихнет. Даже если не исчезнет, то станет тихим фоном, как шум дождя за окном. Ты

научишься с ней ладить. Потому что ты сильная. Сильнее, чем думаешь... Уж я-то знаю.

Он не признался, что и его «пейзаж» тоже изменился. Что её кровь теперь течёт в его венах, став молчаливым долгом и невысказанной нежностью. Это было бы слишком. Это стало бы ещё одной цепью для несчастной влюблённой.

— Иди к нему, — мягко сказал Jäger. — К своему костру. Будь счастлива, насколько это возможно в нашем мире. А я... я всегда буду здесь. Как часть твоего пейзажа. Как та гора, что видна из окна. Не для того, чтобы к ней идти. А для того, чтобы знать, что она есть.

Лиза поднялась, и по её щекам покатились слёзы. Она не пыталась их вытирать. Это были слёзы боли, но также и освобождения, горькие, но неизбежные.

— Спасибо, — прошептала она тихо. — За всё.

Девушка задержалась у двери и, обернувшись, улыбнулась.

— Ты теперь для меня как брат. Родной по крови.

С этими словами она вышла из кабинета, оставив за собой тишину, пропитанную запахом слёз.

Jäger долго смотрел на закрытую дверь.

— Сердце, которое любит, никогда не бывает по-настоящему одиноким, — прошептал Охотник в пустоту. — Оно просто учится говорить на языке тишины.

В эти мгновения Кора стояла у высокого окна в пустом коридоре, держа тонкую сигарету. Вишнёвый дым растворялся

в полумраке. Её взгляд, острый, как у хищной птицы, ничего не упускал.

Она заметила, как Лиза быстро и тихо выскользнула из зала. На её лице читалась не праздничная усталость, а внутренняя буря. Через двадцать минут Лиза вернулась, но уже с другим настроением. Её плечи слегка ссутулились, а глаза, чуть припухшие, блестели особым светом, который не похож на радостный. А улыбка... Ах, эта улыбка. Натянута, хрупкая, как тонкий лёд на луже. Фальшивая монета, которую пытаются выдать за золотую.

Кора наблюдала, как Лиза подошла к Алексею и тот обнял её за плечи. Лиза поднялась на цыпочки и поцеловала парня в ответ. Нежный поцелуй, но в нём читалась отчаянная попытка убедить. Убедить его, а может, и себя. Затем они ушли, попрощавшись с весёлой компанией.

Уголок губ Кору приподнялся в холодной усмешке. В её янтарных глазах мелькнуло и исчезло понимание. «Соперницы нет, — подумала оперативница, выдыхая дым. — Ты сражаешься с призраком, девочка. С тенью на стене собственного сердца. Призраков не победить. Их можно только пережить. Или с ними сжиться».

Но Кора не почувствовала триумфа. Лишь спокойную, ледяную уверенность. Опытная львица не бросается на добычу, испуганную другим хищником. Она ждёт. Пока рана не станет ноющей, пока усталость не сломит волю, пока нужда в тепле и понимании не станет острее страха перед новой

болью... Кора умела ждать. У неё было время. И теперь — полная ясность игрового поля.

Старый лис

Архилох прибыл без предупреждения, как и положено руководству. Его появление не нарушило рутины Ордена — оно её заморозило.

Владыка устроился в одном из библиотечных кресел, которое походило на трон, хотя и было лишено вычурности. Его внешность всегда была обманчивой, особенно для тех, кто видел его впервые. На первый взгляд, — это крепкий мужчина лет пятидесяти с выраженными алтайскими чертами: скулы, словно отточенные кремнем, раскосые глаза цвета тёмного янтаря, в которых светился острый и древний ум. На нём был скромный, но идеально сидящий тёмно-серый костюм. И только перстень на пальце — чёрный камень с едва заметным внутренним мерцанием — выдавал его мистическую сущность.

Когда вошли Jäger и Марк, Архилох даже не пошевелился. Он лишь медленно перевёл на них свой взгляд. Взгляд лиса, оценивающего двух волков: одного — раненого, но опасного, другого — собранного и верного.

— Оставьте нас, — произнёс он голосом, тихим и вязким, как горный мёд. Его воля, мощная и непреклонная, мягко вытолкнула двух сопровождавших охотников из комнаты.

Дверь закрылась и они остались втроём.

Архилох изучал Jäger. Его взгляд напоминал нож для за-

клания. Он словно сдирал слой за слоем, проникая не только в видимые ткани, но и в глубинные пласты.

— Повезло тебе, Охотник, — начал он без предисловий, отчеканивая каждое слово. — Уйти живым из того... странства. Где собрались те, кто старше гор и глубже океанов. Знаешь, почему?

Jäger стоял прямо, смело встречаясь со взглядом древнего. Он чувствовал давление, как будто на его плечи медленно опускалась невидимая плита.

— Потому что я во время ретировался, — с вызовом ответил Охотник. Его тон был ровным, но напряжённым, как тетива.

— Нет, — отрезал Архилох, и в его глазах вспыхнула холодная усмешка. — Потому что ты не человек. Не совсем. Не для их восприятия. Человеческая свеча сгорела бы дотла от одного лишь их... внимания. Ты же — горел, но фитиль твой оказался из иного материала. Интересно... интересно.

Владыка откинулся на спинку кресла, сложив пальцы домиком.

— Мне известно, кто именно присутствовал на том совете. Имена. Ранги. Даже... оттенки настроения. — Архилох намекал на своего шамана. Он сделал паузу, давая словам просочиться, как яду. — Некоторые наивно полагают, что их тайны останутся тайнами. Что их планы — сокровенны. Они заблуждаются. За их спинами всегда есть другие тени. И за спинами тех теней — такие, как я.

Марк едва сдержал вздох. Это было хуже, чем они предполагали. Шпионаж на таком уровне означал, что правила игры куда более изощрённы и опасны.

— Межмирье изменило тебя, — задумчиво произнес Архилох, пристально глядя на Jäger. — Оно вплелось в твою суть. Это делает тебя бесценным. И... чудовищно уязвимым.

Он поднялся с кресла, распространяя свою волю на всё пространство.

— Будь осторожен, Охотник, — продолжил Владыка излишне высокопарно. — Ибо теперь ты в центре игры, где кукловоды — архонты, а ставка — судьба человечества. И помни: за тобой наблюдают не только друзья. За мной — тоже. Такова цена нашего существования в этих реалиях.

Архилох сделал шаг к двери, затем обернулся, бросив, пронзительный взгляд.

— А теперь, — произнёс григори уже почти шёпотом, но от этого слова стали только острее, — расскажите мне всё, что вы на самом деле планируете делать с той информацией, что ты принёс. И не пытайтесь лгать. Лиса чует фальшь за версту.

Тишина после слов Архилоха полилась густой смолой. Его последняя фраза — «Лиса чует фальшь за версту» — висела в воздухе не угрозой, а констатацией факта. «Старый лис» — так называли Владыку его алтайские «волки». И лис уже учуял что-то.

Jäger обменялся с Марком быстрым взглядом. В глазах

бывалого воина читалась та же настороженность: «Говори, но будь осторожен. Он вытянет правду, как змея яд из зуба».

— Мы не планируем атаковать, — начал Jäger, выбирая слова с точностью сапёра. — Информация с совета... она не даёт повода для наступления. Она даёт контекст. Мы поняли расстановку сил. И свою роль в ней.

— Роль? — переспросил Архилох, мягко, почти ласково. Он снова сел, приняв позу внимательного слушателя, но его бездонные глаза не отпускали Jäger ни на миг. — И какую же роль вы для себя определили, Охотник, чья суть теперь пропахла ветрами из щелей мироздания?

— Роль наблюдателей. Стабилизаторов, — вступил Марк басом тяжелым, как каменная глыба, нарушая тонкость момента. — Если архонты намерены раскачивать лодку, наша задача — не дать ей перевернуться.

Архилох медленно кивнул, и на его губах появилась едва заметная, одобрительная улыбка. Но в глазах не было тепла. Был расчёт.

— Правильно. Очень правильно. Но вы слишком буквально восприняли услышанное. — Григори отстранённо откинулся назад, будто вспоминая ту самую встречу. — Слова, сказанные в кругу архонтов и... наших высших собратьев... это не программа действий. Это позиционирование. Театр теней для существ, которые сами являются тенями.

Он сделал паузу.

— Ты слышал, как некоторые из григори говорили о че-

ловечестве? О его «несостоятельности», «агрессии», «необходимости жёсткого контроля или даже... перезагрузки»? — Архилох посмотрел на Jäger. В его взгляде сквозило предупреждение. — Забудь. Это был спектакль. Хитрый ход, чтобы показать архонтам нашу «строгость» и «беспристрастность». Чтобы они не заподозрили, что у нас могут быть... свои интересы. Отличные от их апокалиптических игр.

В комнате стало ещё холоднее. Jäger почувствовал, как по спине пробежали ледяные мурашки. Это была не правда. Это была правдоподобная ложь, сплетённая с полуправдой так искусно, что отделить одно от другого было невозможно.

— Так что же является правдой, Владыка? — спросил Jäger прямо, чувствуя, как новая, чужая энергия внутри него настороженно замерла, прислушиваясь.

— Правда в том, — сузил и без того узкие глаза Архилох, — что архонты будут нагнетать обстановку в мире людей. Хаос, страх, раздоры — это их пища, их воздух, их валюта... Они будут выкачивать энергию до тех пор, пока мир не треснет по швам. Это — их природа. И это — неизбежно.

Голос григори стал твёрдым, лишённым всякой сладости. Владыка резко встал и принялся медленно прохаживаться. Его тень, удлинённая тусклым светом, скользила по стенам, как отдельное существо.

— Наша миссия... миссия Ордена, григори, всех тех, кто ещё помнит о балансе — не дать этому краху случиться. Не спасать каждую человеческую жизнь — это утопия. А сохра-

нить систему. Мир, как сосуд. Чтобы он не разбился. Потому что если сосуд разобьётся... — Архилох обернулся, и его глаза вспыхнули холодным, нечеловеческим огнём, — ... то пировать будут только самые сильные и самые безжалостные архонты. А нам с вами в этом пиршестве не найдётся места. Нас сотрут, как пыль с доски.

Он подошёл вплотную к Jäger. От него не исходило никаких запахов — ни пота, ни парфюма, ни пыли. Был лишь лёгкий запах статики, как перед грозой.

— Поэтому мой приказ вам, командиры, таков: никаких резких движений. Никаких геройств. Никаких попыток «спасать человечество» в одиночку. Вы — разведчики. Собирайте сведения. Следите за точками напряжения. Отслеживайте агентов архонтов в нашем мире. И... — он бросил взгляд на Jäger, полный невысказанного интереса, — ... изучайте новые возможности. Те, что появились у тебя. Они могут стать нашим козырем.

Владыка говорил вроде бы верно. Логично. Стратегически безупречно. Но от него веяло лукавством. Как будто за этой разумной, спасительной стратегией скрывалась другая, куда более глубокая игра. Игра, в которой Орден, люди, архонты и даже сами григори были не сторонами, а фигурами. А Архилох... Архилох смотрел на доску с высоты, недоступной другим.

— Приказ понятен, — наконец отрапортовал Марк, склонив голову в формальном, но не рабском поклоне. — Со-

бирать разведданные. Контролировать ситуацию. Не вмешиваться без крайней необходимости.

— Именно, — прошептал Архилох, и его лицо снова озарила та хитрая, азиатская улыбка. — Будьте мудры, как змеи. И... будьте грозны, когда придёт время. А оно придёт. Не сомневайтесь.

Григори повернулся и направился к выходу, словно совещание было исчерпано. У двери он остановился и бросил, не оборачиваясь:

— И, Jäger... Поздравляю с выздоровлением. Твоя новая... перспектива... вызывает большой интерес. Надеюсь, ты будешь использовать её на благо Ордена. Нашего общего дела.

Дверь закрылась за ним беззвучно. В комнате повисла тяжёлая, насыщенная недоверием тишина.

Марк выдохнул вопрос, который, казалось, мучил его всё это время.

— Что ты думаешь, командир? — разведчик озадаченно посмотрел на Jäger.

Тот долго молчал, не отрывая глаз от того места, где только что стоял Владыка.

— Я полагаю, — наконец произнёс Охотник с усталостью и горечью в голосе, — нам только что преподнесли красивую клетку. И ключ от неё наши хозяева забрали себе. А ещё... — он посмотрел на Марка, и в его глазах мелькнуло странное понимание, — Архилох солгал. Не во всём. Но в главном.

Он что-то скрывает. Что-то, ради чего он готов пожертвовать даже «общим делом».

Коварный замысел

Под журчащей Москвой-рекой, глубоко в системе древних катакомб, известных лишь посвящённым, раскинулось огромное подземное сооружение, напоминающее опрокинутую пирамиду. База Братства Забытых Печатей. Стены из чёрного базальта, испещрённого выщербленными, стёртыми символами, отражали искусственный сиреневый свет. Воздух здесь пропитался запахом тины, ржавого металла, тления пергамента и чего-то ещё... сладковато-гнилостного, похожего на аромат испорченной мирры.

В центре зала, вырубленного в скале, стоял массивный стол, напоминающий одновременно алтарь. Вокруг него собралась верхушка Братства.

Малхасар — Владыка Братства восседал во главе. Его присутствие заполняло пространство, как тяжёлый, ядовитый газ. Он не был ни тенью, ни человеком в привычном смысле. Его тело казалось твёрдым, но постоянно слегка колебалось, словно марево над раскалённым камнем. Лицо скрывал капюшон, из-под которого сияли два уголька вместо глаз — сгустки сосредоточенной воли. Он не старел, он высыхал, сохраняя некую ужасающую элегантность падшего аристократа. Его пальцы, длинные и костлявые, барабанили по столешнице, издавая тихий, похожий на щелчки паука звук.

Кассий, его правая рука, палач и стратег в одном лице, сидел рядом. Он выглядел как тень от более тёмного пламени. Его тело было сухопарым, черты лица — классическими, а тёмные волосы с проседью гладко зачёсаны назад. Но глаза — осколки льда, пустые, как у акулы, — не отражали ни искры души. В них читались лишь расчёт и голод.

Слева от Малхасара расположилась Моргана. Её лицо напоминало античную статую, а взгляд был холодным и пронизывающим, способным заморозить кровь. Длинные волосы, чёрные как вороново крыло, были собраны в строгий узел. Она отвечала за ритуалы, пытки и всё, что касалось трансформации тела и духа. Её тихий голос был опаснее любого крика.

Чуть поодаль, в клубящемся полумраке стояла тень по прозвищу Шёпот. Его истинный облик был скрыт рваным плащом и капюшоном. Шёпот был мастером шпионажа, слухов и теневой логистики. От него исходило лишь лёгкое шипение, похожее на звук песка, сыплющегося на камень.

В последнее время в Высший совет Братства Забытых Печатей не входил ни один человек. Там были только Иные, мимикрирующие под людей, и тени — зависшие оболочки умерших людей.

— Итак, — начал Малхасар тоном, напоминающим шелест старого пергамента. — Наш старый друг... вернулся. Jäger. Охотник, который уж слишком долго охотится на нас.

Кассий усмехнулся, и его сухой, безжизненный смех эхом

разнесся по сводам пещеры-пирамиды.

— Вернулся ли? Или это тень прежнего? Ходят слухи, что Межмирье не отпускает своих гостей даром. Что он вышел... изменённым. Возможно, смертным. Уязвимым.

— Это было бы восхитительной иронией, — прошипела Моргана, не меняя выражения лица. — Существо, которое веками было нашим бичом, превратилось в обыкновенного человека. Его можно будет сломать, как тростинку. Или... разобрать на части, чтобы изучить, что же с ним случилось. Это бесценные знания.

В зале повисло злорадное, тихое шипение.

— Нет, — произнёс Малхасар мягко, но эта мягкость отрезала все звуки, как лезвие. Его мёрзлые глаза обвели собравшихся. — Ликвидация главного Охотника — самоцель приятная, но тактически глупая. Пока жив Марк, смерть Jäger ничего не даст. Опытный тигр возьмёт бразды правления в свои лапы. А он... — Малхасар сделал паузу, и в его голосе впервые прозвучало нечто, похожее на уважение, смешанное с ненавистью, — ... он умеет воевать. Холодно, методично, без блеска, но с убийственной эффективностью. Он не полезет в ловушку из мести. Он построит крепость... Устранить нужно в первую очередь Марка. Отрубить правую руку или даже одну из голов Ордена. И только тогда добить раненого зверя.

— Откуда уверенность, что Охотник стал человеком? — раздался вопрос из тени. Это был голос Хло, ещё одного чле-

на совета, старого и сморщенного, как гриб-дождевик, специалиста по древним текстам и проклятиям. — Слухи — ненадёжный источник.

Малхасар медленно повернул голову в его сторону.

— У нас везде свои уши, Хло. Свои глаза. Свои... тени.

Он многозначительно посмотрел на Шёпота, и тот едва кивнул, издав шипящий звук.

— В Ордене есть те, кто сомневается. Кто боится. Кто завидует. Они шепчут. А мы... слушаем. Изменения в нём есть. Но природа их... требует проверки. Активной.

— Тогда берём приманку, — оживился Кассий. — Его слабость. Эта... Кора. Шлюха с глазами хищницы. Берём её — он придёт. Он старомоден. Чувствует долг.

Моргана покачала головой, и её чёрные волосы блеснули в тусклом свете.

— Наши агенты уверяют: эта «хищница» для него — всего лишь удобное отвлечение. Постельная игрушка. Он не рискнёт Орденом ради неё. Да и слишком она опасна сама по себе. Змея.

— А та несмышлёная девчонка? Та, что с ним связана? — предложил кто-то с другого конца стола. — Лиза. Её кровь... она особенная. Он может среагировать.

Шёпот зашипел громче, выдвигаясь из тени.

— Нет. Она сейчас собственность шамана их Ордена. Слишком рискованно. Шаманский род под защитой старых сил. Трогать её — значит будить спящих духов Алтая. Нам

сейчас не нужна война на два фронта.

Наступила пауза, полная разочарования. Казалось, тупик.

И тогда Малхасар медленно улыбнулся. Это было самое пугающее — на его лице не было ни одной живой морщины, участвующей в улыбке. Уголки губ просто разъехались в разные стороны.

— Если существующая приманка не годится... мы создадим новую. — Его взгляд скользнул к Моргане. — У нас есть... кандидатки. Те, что обучены не просто соблазнять, а вплетаться в душу. Становиться нужной, желанной, единственным островком покоя в личной буре. Мы зашлём свою соблазнительницу. Чистый лист, на котором он захочет нарисовать своё спасение.

— Кого? — спросил Кассий. Пустые глаза палача вспыхнули интересом.

— Это... сюрприз, — ответил Малхасар, и его руки замерли. — Подготовьте всё. Сначала — Марк. Тихо, чисто, как несчастный случай. Затем, когда в Ордене начнётся паника и Jäger останется один со своим горем и сомнениями... мы представим ему нашу вежливую помощь. Нашу... понимающую плеяду.

Владыка поднялся. Собрание было окончено.

— Братство ждало долго. Мы можем подождать ещё немного. Чтобы удар был... безупречным.

Этический кодекс

Кабинет Милы напоминал оазис спокойствия в каменной обители Ордена Сумеречных. Тёплый свет настольной лампы и запах лаванды с успокаивающими травяными нотками создавали уют. На стенах висели картин в стиле виженари-арт¹. Запечатлённое на них время текло иначе...

Марк устроился на диване, неловко сгорбившись, как медведь в гостинной. Его руки лежали на коленях, пальцы беспокойно переплетались. Заместитель командира Сумеречных пришёл не как начальник к подчинённому, а как к человеку, чьё мнение о душевных травмах он ценил безоговорочно.

— ... и он себя загрызёт, Мила, — пытался найти правильные слова Марк. Его обычно громкий голос был приглушён до хриплого шёпота. — Я его знаю. Он всегда был... другим. И всегда это носил в себе, как камень. С женщинами — то одно, то другое... Не сходилось что-то. Не то чтобы не было опыта, но... доверия не было. А сейчас... — Марк провёл рукой по лицу, — сейчас, когда он и сам не понимает, что с ним стало, этот камень превратится в целую гору. Он

¹ **Виженари-арт** (англ. Visionary art — «визионерское искусство») — это художественный стиль, основанный на спонтанном изображении увиденного в изменённом состоянии сознания: во время религиозного или медитативного созерцания, транса или воспоминаний, возникающих после психоделических состояний.

уйдёт в себя, замкнётся, и мы его потеряем. Не как бойца — как человека. А ему нельзя терять человеческое. Особенно сейчас.

Мила сидела в своём кресле напротив. Её нежно-лавандовый брючный костюм прекрасно дополнял интерьер кабинета. Психоаналитик внимательно слушала, не перебивая. Спокойный, сосредоточенный взгляд её лазурных глаз был устремлён на Марка. Казалось, что она видит и того, о ком он говорил.

— Вы хотите, чтобы я продолжила с ним сеансы? Более интенсивно? — спросила она, когда Марк замолчал.

— Да. Нет... То есть да, конечно, — Марк замялся, что было для него крайне нехарактерно. Он крякнул и посмотрел на женщину прямо, с той самой бесцеремонной прямой, которая могла быть и оружием, и проявлением предельного доверия. — Но я хочу большего. Ему нужна... Ну, понимаете? Не просто терапия. Ему нужна близость. Настоящая. Человеческая. Чтобы кто-то был рядом не как врач, а как... женщина.

В кабинете повисла тишина. Мила не моргнула. Её лицо оставалось невозмутимым и профессионально-нейтральным.

— Марк, — мягко, но решительно произнесла психоаналитик. — Я — его психотерапевт. Существуют этический кодекс. Я не могу и не буду переходить границы дозволенного. Вступать в личные, тем более интимные отношения с паци-

ентом — это недопустимо. Это подорвёт всё лечение и разрушит доверие.

— А, бросьте вы эти ваши кодексы! — Марк махнул рукой, но в жесте разведчика не было злобы, лишь отчаянное желание помочь. — Посмотрите на него! Парень — кремень. И видный, чертяка. Мужик что надо. После всего, что он прошёл... Ему нужна не терапия, а живая душа рядом! А вы... — он жестом обрисовал её фигуру, — вы умная, красивая, сильная. Вы бы его и на ноги поставили, и... Ну, сами понимаете.

Мила позволила себе едва заметную улыбку. Не насмешливую, а скорее усталую.

— Марк, я ценю вашу заботу о друге. Но, во-первых, это неприемлемо профессионально. А во-вторых... — она сделала небольшую паузу, — ... я старше его.

Это прозвучало не как отказ, а как констатация факта. Возраст для неё, казалось, не был трагедией, но был важным аргументом в этой странной дискуссии.

Марк фыркнул. В его глазах загорелся знакомый огонь. Этот огонь вспыхивал каждый раз, когда он побеждал противника не грубой силой, а хитрым манёвром.

— Запомните, Мила, у таких женщин, как вы, возраста не бывает, — заявил разведчик с непоколебимой уверенностью. — Есть лишь опыт, мудрость и та внутренняя сила, что способна удержать командира от падения в бездну... Я не прошу вас прыгать с ним в постель сходу. Я прошу... быть

ближе. Говорить не только о травмах. Смотреть на него не только как на пациента. Дать ему шанс увидеть в вас женщину, а в себе — мужчину. Не монстра, не инструмент, не загадку... Просто мужика!

Он умолк, и в его взгляде мелькнуло нечто сложное. Искренняя забота о Jäger смешивалась с чем-то ещё... С личной, глубоко запртанной симпатией к Миле. Разведчику нравилась эта загадочная женщина. Он, грубый охотник, воин, ценил её тишину, её ум, её незримую стойкость. И в этой странной просьбе была и доля жертвы: «Я бы сам... но ему это нужнее. Я уступлю. Ради друга».

Мила смотрела на командира разведчиков долго и внимательно. Она, конечно, видела и это. Видела всю сложность чувств, спрятанных за его простой, почти топорной просьбой.

— Ваша преданность другу делает вам честь, Марк, — наконец выдала психоаналитик. — Я продолжу работать с Jäger. Интенсивно и глубоко. И сделаю всё, что в моих профессиональных силах, чтобы помочь командиру принять свои изменения и не сломаться. Но... — она подняла палец, предупреждая, — ...границы останутся границами. Я буду его якорем, но не гаванью. Это должен быть его собственный выбор, сделанный вне этих стен. Понятно?

Марк тяжело вздохнул. Это была не победа, но и не поражение. Это было перемирие на её условиях.

— Понятно, — кивнул разведчик, поднимаясь. — Спаси-

бо, что выслушали. И... подумайте. Просто подумайте.

Он вышел, оставив за собой ощущение тяжёлой мужской тревоги.

Мила осталась сидеть в кресле, глядя на закрытую дверь. Её невозмутимая маска на миг дрогнула. В глазах промелькнула тень усталости, грусти и, возможно, сожаления. О тех простых правилах, которые так сложно соблюдать, когда имеешь дело с израненными сердцами.

Дело №347-Б

Вечер пятницы проник и в подземный «храм» московского метро — станцию «Киевская». Здесь, среди позолоты, мозаик и нескончаемой суеты, воздух пах не ладаном, а электричеством, парфюмом и ветром из туннеля.

Марк шёл, слегка покачиваясь. Не от алкоголя — хотя он позволил себе пару бокалов хорошего вина, а от редкого, почти забытого чувства лёгкости. Выходной. Рядом — Инга, шикарная блондинка с умными глазами и острым язычком. Они только что ужинали в грузинском ресторане. Марк смеялся над шутками девушки, а она слушала его рассказы, приняв их за байки бывшего военного, ныне «специалиста по безопасности».

Разведчик обнимал блондинку за талию, чувствуя под пальцами подтянутое тело — продукт фитнес-тренировок. Инга что-то говорила, смеялась, её голос сливался с гулом толпы. Парочка подошла к краю платформы, туда, где поток людей был чуть реже. В туннеле уже нарастал гул приближающегося поезда, замигал предупреждающий свет...

В этот момент телефон в кармане Марка завибрировал. Служебный звонок. Его нельзя игнорировать. Пришлось ослабить инстинкт и хватку, достать аппарат и взглянуть на экран.

Краем глаза он заметил...

Не человека. Тень. Массивную, стремительную, словно вырвавшуюся из стены. Она неслась на него беззвучно, с такой силой, что воздух перед ней сгущался. Цель была ясна — столкнуть охотника под колёса набирающего скорость состава.

Мысли у разведчика отключились. Сработало тело, выдрессированное тысячами часов тренировок и десятками реальных схваток. Рефлекс уклонения и захвата. Марк не отпрыгнул — он резко развернулся на подошве, пропуская инерцию атаки мимо себя, и мощным, отточенным движением заправил нападавшего под локоть, используя его же скорость.

Было слышно, как что-то хрустнуло — не кость, а скорее, странный, сухой звук, будто ломается сухая глина. Тень, не издав ни звука, перелетела через край платформы и рухнула вниз, на рельсы.

Но в последний миг рука тени — или то, что её имитировало — зацепила Ингу за рукав. Её крик, обрывающийся, полный чистого ужаса, пронзил гул метро. Тело девушки рвануло к краю.

Марк не раздумывал ни секунды. Он швырнул телефон и железной хваткой впился в запястье девушки, когда каблуки её сапожек уже соскользнули с бетонного края. Разведчик, падая на колени, потащил спутницу на себя со всей силой. Инга повисла над тёмной пропастью, свободной рука бешено цепляясь за его куртку.

— Держись! — выдохнул охотник без тени растерянности.

Началась паника. Кто-то закричал: «Человек на рельсах!». Другой добавил: «Он её толкает!». Телефоны в толпе замигали. Молодой человек в косухе бросился вперёд, схватил Марка за руку и помог тянуть. Вскоре к ним присоединились ещё двое. С большим трудом Ингу подняли на платформу. Она рыдала, размазывая макияж по лицу.

В туннеле, под рёв приближающегося состава и свет фар, тень исчезала. Осталось лишь размытое пятно на рельсах, будто пролитая нефть, которую тут же сдуло ветром от поезда.

Спустя час Марк сидел на жёстком стуле в отделении полиции. Напротив — «видевший виды» капитан, и молодая, нервная лейтенант, заполнявшая протокол.

Инга — в соседнем кабинете беседовала с психологом. Её прерывистые рыдания слышались сквозь тонкую стену.

— Повторите ещё раз, господин Семёнов, — вяло произнёс капитан, — что именно вы увидели?

— Я увидел, как на меня и мою спутницу напал неизвестный, — спокойно произнёс Марк, но в его голосе чувствовалось напряжение. — Я применил приём самообороны. Он не удержался и упал на рельсы.

— Никто из опрошенных свидетелей не видел этого «неизвестного», — лейтенант защёлкала ручкой. — Зато семеро свидетелей утверждают, что видели, как вы грубо толк-

нули девушку к краю платформы, а затем, когда раздался крик, бросились её «спасать». Очень удобно.

— Да, я спасал девушку. Её зацепил... нападавший, когда падал.

— И куда же делось тело нападавшего? — капитан нарочито развёл руками. — Ни труп, ни следов крови. Поезд не задел ничего, кроме мусора. Камеры на этом участке — вы не поверите — временно не работали. Очень, знаете ли, избирательная слепота.

Марк молчал. Он понимал — это была попытка убийства. Братство играло грязно на поле гражданского порядка.

В этот момент дверь кабинета открылось без стука. Все обернулись на мужчину в строгом, почти незаметном тёмно-сером костюме. На вид — лет сорок пять, с лицом чиновника среднего звена и глазами цвета мокрого асфальта. Он молча положил на стол удостоверение с двуглавым орлом и рядом буквенно-цифровых кодов, означающих «Секретный отдел при Администрации Президента. Особые полномочия».

— Капитан, лейтенант, — произнёс вошедший тихо, но с такой уверенной интонацией, что оба полицейских невольно вытянулись. — Дело №347-Б по инциденту на станции «Киевская» изымается из вашего производства и передаётся в наше ведение. Все материалы, включая показания свидетелей и видео с личных устройств (если таковые будут изъяты), подлежат засекречиванию. Гражданин Семёнов и гражданка

Воронцова сопровождают меня.

— Но... — начала лейтенант.

Мужчина посмотрел на неё. Всего лишь посмотрел. И полицейская замолчала.

— Это вопрос государственной безопасности. Ваше содействие будет отмечено. Несоблюдение — повлечёт последствия. Всё понятно?

Капитан, пожилой оперативник, понял всё с полуслова. Он кивнул, закрывая папку.

— Понятно. Забирайте.

Марк поднялся, цепляя пальцем свою куртку со спинки стула. Его взгляд встретился со взглядом «спасителя» из Ордена. Ни слова благодарности, ни кивка. Только мгновенное, обоюдное понимание: «Началось. И это была только первая ласточка».

Пока они шли по коридору, мимо ошарашенных полицейских и плачущей Инги (которую уже успокаивала женщина в таком же сером костюме), мужчина наклонился к Марку и тихо, так, чтобы слышал только он, произнёс:

— Владыка Архилох передаёт: «Лиса не только чует фальшь. Иногда она сама становится приманкой в капкане. Будь осторожнее, охотник. Следующая тень может прийти из собственной норы».

Марк стиснул зубы. Предупреждение было получено. Игра вступила в новую, куда более опасную фазу.

На сеансе у психотерапевта

Кабинет Jäger дышал аскетичностью: карты на стенах, мониторы с тихо мигающими данными, строгий порядок на столе. Но сегодня порядок был нарушен — в воздухе висела тяжёлая, невысказанная тревога.

Марк, откинувшись на стуле, с видом бывалого воина рассказывал об инциденте в метро, стараясь придать всему налёт бравады и чёрного юмора.

— ... В общем, вытащили мы эту пташку. А тень наша, похоже, растворилась в канализационных испарениях. Полиция повелась, конечно, но наши ребята в серых костюмах всё утрясли. Обычная бытовуха для них.

Jäger слушал, не перебивая. Он стоял у окна, наблюдая за ночной тьмой, но его мысли были далеко. Когда Марк закончил говорить, Охотник обернулся. В полумраке его лицо казалось высеченным из камня, но в глазах мелькнуло что-то новое — смятение, которого раньше не было.

— Это не бытовуха, Марк. Это была разведка боем. Проверка наших реакций, наших связей, нашей уязвимости в человеческом мире. — Его голос звучал тихо, но с железной убеждённой. — С этого момента ты под круглосуточной негласной охраной. Никаких выходных. Никаких случайных знакомств. Ты — приоритетная цель номер один.

Марк фыркнул, но в глазах разведчика не было прежнего

легкомыслия.

— Первый раз, что ли, на прицеле? Жили же как-то.

— Не знаю, как объяснить... Мне кажется, что я утрачиваю уверенность в себе... Раньше ты знал, кто ты. И что ты можешь. — Jäger сделал паузу, его голос дрогнул, выдав редкую уязвимость. — А сейчас... сейчас я и сам не знаю. С этим новым... ощущением. Я не знаю, на что ещё способен. И что... безвозвратно утратил. Я слеп в собственной шкуре, Марк.

Тишина в кабинете стала гуще. Разведчик отставил браваду. В его взгляде, устремлённом на командира, читалась вся горечь понимания.

— Знаешь, — произнёс он, поднимаясь и хлопая Jäger по плечу с лёгкой, но знакомой грубостью, — возможно, тебе лучше не со мной это обсуждать, хоть я и крутой перец. Мила ждёт тебя. Она... поможет разобраться. Понять, на что ты теперь способен. Просто поверь.

В голосе Марка звучала не только забота, но и та самая, невысказанная надежда, о которой они говорили в кабинете Милы Алеф.

Утро встретило теплом и ароматом лаванды, заполнившим кабинет психотерапевта. Jäger сидел в кресле, чувствуя себя непривычно скованным. Его тело, обычно послушное и подчинявшееся ему без усилий, теперь казалось чужим, переполненным непонятными ощущениями.

Мила сидела напротив, её поза была открытой, а взгляд

— спокойным и принимающим.

— Давайте не будем бороться с новыми сигналами, — продолжила психотерапевт сеанс. Её голос лился тихой, медитативной мелодией. — Давайте их исследуем. Закройте глаза. Погрузитесь в этот новый... образ себя. В ту часть, которая проснулась или изменилась. Где она находится? Какая она?

Jäger, после минутного сопротивления, подчинился. Он закрыл глаза. И увидел... не картинку. Ощущение. Как будто под кожей зажглись десятки новых нервных окончаний, каждое — крошечный маячок, говорящий на своём языке.

— Она... эта часть... везде, — прошептал Охотник, удивляясь собственным словам. — В мышцах. В костях. В... крови. Она хочет... движения. Нагрузки. Чтобы её проверили. На прочность. На гибкость. Чтобы... — он запнулся.

— Чтобы что? — мягко подтолкнула Мила.

— Чтобы её... почувствовали, — выдохнул Jäger, и где-то глубоко внутри ощутил странную смесь стыда и любопытства. — Не только в бою. Она хочет... прикосновений. Не болевых. Других. Тепла. Тяжести другого тела. Она... — Охотник сжал кулаки, и сухожилия на его руках резко выступили. — Она хочет близости. Физической. Это... примитивно. Глупо.

Jäger открыл глаза, и на его скулах выступил лёгкий румянец смущения. Он, командир, говорил о таких вещах.

Мила не дрогнула. Её лицо оставалось невозмутимым и

профессиональным. В глубине глаз промелькнуло понимание.

— Это не глупо, Jäger. Это нормально. Ваше тело, каким бы оно ни стало, — живое. Оно говорит с вами на языке ощущений, потребностей. Отрицать их — значит снова отчуждать часть себя. Примите этот голос. Услышьте его. Что ещё он говорит?

Ободрённый её реакцией, Jäger снова закрыл глаза, погружаясь глубже.

— Он говорит... о силе. Не о разрушении. Об... удержании. Об оболочке, которая может быть и щитом, и... пристанищем. Он говорит о жажде жизни. Настоящей, плотской, простой. Той, от которой я всегда отгораживался, потому что был «другим». А теперь... теперь я не знаю, кто я. И это тело напоминает мне, что я могу быть... просто живым.

Он умолк. В тишине кабинета его дыхание казалось ему громким.

Мила внимательно следила за Охотником. Затем, сделав едва уловимую паузу, произнесла:

— Вы знаете... моё тело — полностью человеческое. Обычное. Но моё сознание... моя «тонкая матрица», как называют это некоторые... она научилась путешествовать. В те самые миры, откуда, возможно, вернулись вы. Как луч фонаря в тёмной воде.

Jäger резко открыл глаза. Его взгляд, полный изумления и жгучего интереса, устремился на загадочную, симпатичную

женщину.

— Вы... можете?

— Могу, — коротко ответила Мила, и в её улыбке мелькнула загадочная тень. — Не телом. Той частью, которую невозможно описать словами. Может быть, именно поэтому я понимаю вас лучше, чем кто-либо другой здесь. Я знаю, как это — жить в одном мире, а часть себя ощущать в другом. Быть оператором. Или... проводником.

Она сделала паузу, позволяя Jäger осмыслить услышанное.

— Ваше новое тело... возможно, это не потеря. Это новый инструмент. Ключ, который открывает дверь не «наружу», а внутрь. Внутрь тех пространств, которые раньше были для вас лишь враждебной территорией. И, возможно, внутрь... самой человеческой природы. Со всеми её слабостями, страхами и... желаниями.

Они смотрели друг на друга через тишину кабинета. Между ними больше не было границы «терапевт-пациент». Было понимание двух существ, стоящих на границе миров. И в этом понимании зарождалось нечто новое, хрупкое и невероятно мощное одновременно.

Психотерапевтические сеансы проходили почти ежедневно. Каждая новая встреча возвращала Jäger прежнюю уверенность. Психоаналитик помогала Охотнику объединить все его навыки, таланты и профессиональные умения, отточенные веками. Она стала его Учителем по трансперсональ-

ным практикам...

Под спокойным, направляющим взглядом Милы Jäger сосредоточился. Не на мышцах, а на чем-то более глубоком — на воле, сконцентрированной в точке между лопатками. Он представил, как эта воля тянется, как щупальце, и касается тяжелой хрустальной вазы с цветами на столе.

Ваза дрогнула. Затем, с лёгким скрежетом, поползла по гладкой поверхности, оставив за собой тонкую бороздку.

— Получилось, — выдохнул Jäger с облегчением. — Как выражается наш легендарный Марк, талант не пропьёшь.

— Хорошо, — улыбнулась Мила. — Давайте продолжим. Ваше сознание уже готово к путешествию. Давайте придадим ему форму — создадим фантом. Не тело, а его проекцию, сгусток воли и самоощущения... Отделитесь от физической оболочки. Представьте, что вы делаете шаг... в сторону от себя.

Это было похоже на выдёргивание пробки из бутылки шампанского. В один миг Jäger ощущал вес своего тела, стул под собой, футболку на коже... А в следующий — он стал лёгким, почти невесомым, словно состоял из тёплого воздуха и чистой воли. Охотник обернулся и увидел... своё физическое тело, которое сидело в кресле с закрытыми глазами и спокойно дышало. Сам же он парил рядом.

— Попробуйте пройти сквозь стену, — прозвучал голос Милы, уже не в ушах, а прямо в его... сознании? В самой сути этого фантома.

Jäger подплыл к стене, где стоял книжный стеллаж. Не было ни удивления, ни сопротивления. Только желание оказаться по ту сторону. И стена исчезла. Она превратилась в густой туман, сквозь который Охотник прошёл, чувствуя лишь лёгкое покалывание. Он оказался в пустом коридоре штаба.

Воодушевление, смешанное с детским любопытством, захлестнуло его. Фантомный Jäger ринулся в исследование...

Он пронёсся сквозь стены кабинета, где оперативники склонились над схемой московского метро. Просвистел сквозь архив, где пахло пылью и тайной. Вот он ворвался в полумрак спортзала и замер...

Под штангами, освещённые лучами солнца, пробивающимися через высокое окно, Лиза и Алексей стояли, слившись в поцелуй. Лиза прижималась к груди шамана. Алексей одной рукой обнимал девушку, другой гладил её волосы. Картина была настолько интимной и неожиданной, что фантом Jäger на миг потерял фокус. От неожиданности он чуть не материализовался.

Но этого мига хватило. Алексей — шаман, чьи чувства были настроены на вибрации тонких слоёв мира — резко оторвался от поцелуя. Его голова резко дёрнулась, глаза широко раскрылись, сканируя пустое пространство с хищной, почти звериной сосредоточенностью. Он что-то почувствовал. Не угрозу, но чьё-то присутствие.

Фантом Jäger не стал испытывать судьбу. Он рванул прочь, как испуганная рыба, оставив лишь лёгкое колеба-

ние воздуха, которое Алексей, нахмурившись, так и не смог идентифицировать.

Следующая цель была ясна — кабинет Марка.

Марк сидел, развалившись в кресле, прижав телефон к уху плечом. На его лице играла та самая, знакомая до боли, бравада.

— ...Ну что ты, детка, так испугалась? — ворковал разведчик (было слышно, как на том конце провода взволнованно тараторит Инга). — Ты же теперь девушка секретного агента! Элита! У нас не бывает без приключений... Нет-нет, всё улажено, пылинки сдули... Конечно, продолжим! Сегодня вечером, у тебя. Я привезу твоё любимое вино... Да, и про ту самую игру не забуду...

Вид этого бахвальства, этой игры в Джеймса Бонда на фоне реальной, тёмной угрозы, вызвало в фантоме Jäger внезапный, озорной импульс. Он сконцентрировался на графине с водой, стоявшем на краю стола. Графин с грохотом опрокинулся, облив стол и документы водой.

— Ё-моё! — Марк вскочил как ошпаренный, отпрянув от брызг. — Чёрт! Инга, я... тут маленький потоп... перезвоню!

Разведчик бросил трубку, озадаченно уставившись на лужу. «Сквозняк или снова происки вражины?» — мелькнуло у него в голове.

А фантом Jäger уже мчался обратно, в кабинет Милы, переполненный почти мальчишеским удовлетворением от про-

делки.

Но Охотник не учёл одного. Мила наблюдала. Не физическим зрением, а из той самой «тонкой матрицы». Психоаналитик видела, как фантомная сущность командира, яркая и возбуждённая, ворвалась обратно в комнату. И прежде чем Jäger успел вернуться в тело, Мила мягко, но властно направила на него луч своего внимания.

— Хватит хулиганств, — прозвучал мысленный голос, тихий, но не допускающий возражений. — Пора возвращаться.

И тогда, движимый новым, внезапным и непреодолимым импульсом — смесью благодарности, влечения и того самого «желания прикосновения», о котором говорил Охотник, — его фантом обхватил женщину. Не физически, конечно. Это было облако осознанного присутствия, воли, тепла. Он притянул к себе её светящуюся сущность. Теперь он видел её ясно, ощущая головокружительное слияние двух сознаний. Их души слились, оставив тела позади. И тут же, осознав дерзость и возможную неуместность, отпрянул.

Его физическое тело в кресле вздрогнуло, и Jäger открыл глаза. В кабинете стояла тишина. Мила сидела напротив. Её щеки слегка порозовели, дыхание чуть участилось. Психотерапевт смотрела на командира не с упрёком, а с... понимающей строгостью.

— Простите, — хрипло выдохнул Jäger, опуская взгляд. — Это было... недопустимо. Я не справился с контролем.

Мила медленно выдохнула. В её глазах боролись этиче-

ский кодекс и что-то ещё, более личное, потревоженное незапным «касанием» Охотника.

— Контроль — это то, чему вам предстоит научиться заново, — констатировала психотерапевт, и её голос вновь обрёл профессиональную ровность. Но в нём теперь чувствовалась лёгкая, едва уловимая дрожь. — Не только над способностями. Но и над... импульсами. Сеанс окончен. У вас есть над чем подумать.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Между ними пролегла неясность. Он коснулся её там, где никто другой не посмел бы. И она позволила это... Или просто не успела остановить его?

Экспансия

Воздух в зале совещаний был плотным от напряжения и древесного аромата. За массивным дубовым столом, под тусклым светом низко висящих ламп, сидели необычные оперативники. С одной стороны — люди в чёрной форме с холодными, настороженными взглядами. С другой стороны, у самого края света, где лампы отбрасывали длинные тени, стояли фигуры из сгустившейся тьмы — бойцы-тени, разведчики из мира «зазеркалья». Их присутствие ощущалось как лёгкий холодок на коже и лёгкое давление на виски.

Во главе стола сидел Jäger. Он выглядел собранным, но те, кто знал его давно, заметили новую глубину во взгляде командира. Глубину, которая познала и собственных демонов, и что-то за пределами плоти... Слева от него, с блокнотом, расположилась Мила. Её присутствие на совещаниях такого рода ещё месяц назад казалось странным. Теперь же оно стало необходимостью. Она была их «сенсором» на тонком плане, переводчиком с языка «одержимости».

Первым докладывал капитан Гордеев (с недавних пор в Ордене Сумеречных были введены звания) — человек с лицом бульдога и железной логикой.

— Объект «Философ». Известный в узких кругах эзотерик, автор книг по «расширению сознания». Три недели назад начал проводить «групповые сеансы прорыва за Заве-

су». — Гордеев щёлкнул пультом, на экране появились фото: симпатичный мужчина лет сорока с умными глазами. — Наши наблюдатели зафиксировали аномальный выброс энтропийной энергии. Через неделю у «Философа» начались... изменения. Он утверждал, что «говорит с богами», требовал жертвоприношений — сначала символических, потом всё более кровавых. Вчера он напал на одного из своих последователей с ритуальным ножом. При задержании проявил силу, втрое превосходящую человеческую. Пули его не брали. Метили, разумеется, не в жизненно важные органы. Остановили только специальной сетью.

На экране сменилось видео: тот же мужчина, но его лицо искажено нечеловеческой гримасой, глаза затянуты молочной пеленой, а на коже вздувались чёрные прожилки.

— Его доставили в нашу закрытую палату в «Кашенко». Он непрерывно говорит на неизвестном языке, состоящем из щелчков и скрежета. Его физиология меняется. Температура падает, кислотность крови зашкаливает. По оценке нашего сотрудника (капитан кивнул в сторону Милы), это средняя стадия одержимости. Сущность уже укоренилась в астральном теле и начинает перестраивать эфирное и физическое. Процесс необратим даже при экзорцизме высшего уровня.

В зале повисла тяжёлая тишина. Все понимали: «Философ» потерян. Это был уже не человек, а сосуд, который нужно уничтожить вместе с содержимым.

Доклад продолжила тень. Её «голос» донёсся не через

уши, а прямо в сознании присутствующих — холодный, безэмоциональный поток образов и понятий.

«Объект „Дива“ — молодая певица, чья карьера стремительно взлетела, но затем рухнула из-за депрессии. В поисках выхода она обратилась к „целителям“, которые практикуют чёрную магию. Ей предложили „музу“ — сущность, обещающую вдохновение за „небольшую плату“. Процесс искушения был классическим: сначала — невероятный творческий подъём, затем — навязчивые „советы“ в голове, требующие всё более странных и аморальных поступков для „подпитки“. Сейчас она на грани. Сущность ещё не полностью контролирует певицу, но её воля уже подавлена. Она верит, что эта „муза“ — её спасение. Это ранняя стадия. Если изолировать „Диву“ от источника подпитки и очистить, то процесс станет обратимым. Но она вряд ли захочет сама. „Муза“ ей не позволит».

Марк мрачно хмыкнул, вертя в пальцах карандаш.

— Классика жанра, как говорится. Демон не ломится в дверь. Он стучится, предлагая то, чего ты больше всего хочешь. А когда впускаешь — оказывается, ты сам стал дверью.

Следующим докладчиком оказалась девушка с короткой стрижкой и проницательными глазами. Они отражали жизненный опыт, который лучше было бы избежать.

— Случай «Семейный очаг». Благополучная семья с двумя детьми. Старший сын-подросток увлёкся спиритизмом

через приложение в телефоне. В доме начались странные явления: стуки, перемещение предметов, запах серы. Незнакомый предлагал «защиту» от злых духов за небольшие услуги. Сначала нужно было нарисовать странный символ в школе, затем подложить фотографию нелюбимой учительницы в определённое место. Вчера «голос» приказал поджечь школьный кабинет, но мальчик не смог, началась истерика. Сущность перешла на младшую сестру: она шепчет родителям гадости по ночам их же голосами. Процесс активного внедрения и распространения внутри семьи продолжается. Это очаг infernalного заражения.

Jäger слушал молча. Охотник внимательно следил за сводками, ощущая, как из разрозненных данных складывается тревожная картина.

— Докладывайте общую динамику, — распорядился он.

Мила оторвалась от записей. Она докладывала ровным спокойным тоном, но в нём сквозила тревога учёного, следящего за разрастанием смертоносной культуры в чашке Петри.

— За последний месяц количество зафиксированных случаев подозрения на одержание выросло на 300%. Паттерн везде одинаков: искушение → внедрение → подчинение. Демонические сущности действуют не хаотично, а организованно. Они используют человеческие слабости, такие как жажда власти, денег, любви, популярности и так далее. Предлагая лёгкий путь, они заманивают людей. «Пожира-

тели теней», которые раньше были хищниками на границах миров, теперь стали оккупантами. Их цель — захватить плацдармы в нашем мире, используя людей как живые источники энергии и инструменты для своих деяний.

Марк откинулся на спинку стула и провёл рукой по лицу. Мила продолжила:

— С теневыми акулами мы уже более-менее справились. Но теперь у нас эпидемия духовной чумы. Идеи не застрелишь, искушение не арестуешь. Братство Забытых Печатей с их ритуалами — всего лишь младенцы по сравнению с демонической интервенцией.

Jäger наконец заговорил. Его голос, низкий и властный, заполнил зал.

— Выводы верны. Угроза изменила природу. «Пожиратели» отступили на второй план не потому, что исчезли, а потому, что открылся фронт пошире. Братство, возможно, даже не инициатор, а всего лишь... проводник, неумелый ученик, открывший шлюз, который не может закрыть. Или — сознательный союзник. Наша тактика меняется. Приоритет номер один — диагностика и раннее вмешательство. Нам нужны не только солдаты, но и... «эпидемиологи», экзорцисты, психологи тонкого плана. — Его взгляд скользнул по Миле. — Мы должны научиться выявлять заражение на стадии искушения. До того, как голос в голове станет хозяином.

Jäger поднялся со своего места. Его тень, растянувшаяся на карте Москвы на стене, казалась огромной и пугающей.

— Гордеев, готовьте операцию по нейтрализации «Философа». Чисто, без шума. Мила, составьте протокол диагностики для ранних стадий. Марк, свяжись с нашими людьми в МВД и МЧС — пусть фильтруют странные происшествия через новые критерии. А я... мне нужно поговорить с Архилохом. Если Братство развязало эту силу, они должны знать, как её запереть. Или, по крайней мере, какую цену они за это заплатят.

Совещание завершилось, но гнетущая атмосфера осталась. Сумеречные больше не стояли на страже границы. Они оказались в осаждённой крепости, где враг проник за стены. Он «носил лица» их соседей, друзей, талантливых мечтателей и несчастных детей.

Чёрный Клинок

Весенняя ночь в Москве выдалась не чёрной, а густо-синей, пронизанной жёлтыми огнями фонарей и красными бликами рекламы. Но в лабиринте переулков царила особая, древняя тьма. Воздух пах сырým камнем, озоном и... едва уловимыми следами иных измерений.

Jäger шёл впереди, закутавшись в свой старый плащ. Он был не просто куском ткани. Это была реликвия, сшитая когда-то из волокон, пропитанных лунным светом и заговорённых сейдконой² Севера. Подкладку украшали руны, отвлекающие внимание, а на плече — кожаная нашивка в форме гигантского змея, нейтрализующая магические взгляды.

Для Марка это была «причуда командира». Но разведчик видел: в своём плаще Jäger был больше самим собой, чем в специфической униформе Сумеречных. Марку же чёрная одежда из специальной ткани с серебряной вышивкой и эмблемой Ордена казалась одновременно удобной и стильной.

Плащ шелестел, словно перешёптываясь с тенями. И тени откликались.

Из глубин подворотни, где время текло иначе, выплыла

² **Сейдкаона** — это женщина, практикующая сейд (др.-исл. seiðr), шаманскую или магическую традицию, возникшую в раннесредневековой Скандинавии. Сейдкаона и сейд тесно связаны. Сейд — это древняя северная магия. Сейдконы владели особыми знаниями и навыками в прорицаниях, целительстве, наложении и снятии проклятий...

полупрозрачная фигура в длинном, старомодном платье и чепце. Её бледное лицо выражало спокойствие.

— Охотник, — голос нежити звучал как шорох опавших листьев. — Слухи ходили, что ты пал в битве с Пожирателем. Рада, что слухи лживы.

Jäger остановился, кивнул тени с неожиданной, почти рыцарской вежливостью.

— Анна Васильевна. Я вернулся... чуток изменившись.

— Всё меняется, кроме нашей боли, — тихо ответила тень.

Она была сестрой милосердия, умершей от тифа в 1812 году, так и не узнав, что её возлюбленный, поручик Дмитрий, скончался от ран в другом госпитале за три дня до её смерти. С тех пор несчастная бродила в поисках «своего единственного», не в силах упокоиться.

— Охотник... я устала. Река времени уносит всё дальше, а я ещё здесь. Помогите. Найдите поручика. Или... помогите мне перестать искать.

В её «голосе» звучала многовековая, измождённая тоска. Марк, стоявший чуть поодаль, почувствовал ледяной холодок вдоль позвоночника. Это было не страшно. Это было бесконечно грустно.

— Я не одиночка больше, Анна Васильевна, — покачал головой Jäger. В его тоне не было высокомерия, только деловая уверенность. — Я работаю с Орденом. У нас есть... специальная служба. «Проводники». Они разыщут сведения о

порукике, найдут место его упокоения. Помогут вам встретиться или... проводят вас вместе. Даю слово.

Тень сестры милосердия слегка поклонилась, и её силуэт стал ярче, словно озарился слабой надеждой.

— Благодарю, Охотник! Я буду ждать.

Призрак растворился в темноте, как дым от погасшей свечи.

— Проводники, — тихо повторил Марк, вышагивая рядом с командиром. — Каких только отделов и служб у нас нет.

— Мир полон не только монстров, но и несчастных душ. Иногда помочь им уйти — лучшая защита для живых, — отозвался Jäger.

И в этот момент из-за угла появился человек.

Он выглядел обычно: средних лет, в поношенной куртке и джинсах. Его лицо было неприметным, таким, что запоминалось с трудом. Он шёл неровной походкой, словно был уставшим или выпил. В глазах читалась пустота и изнеможение.

— Эй, ребята, — сипло окликнул прохожий охотников, приближаясь. — Не подскажите, как на Курский попасть? Я, кажется, заблудился...

Марк повернулся к прохожему, приняв нейтральную, но готовую к активным действиям позу.

— Вам туда, — разведчик кивнул в сторону, — два квартала прямо, потом налево.

Человек благодарно закивал, продолжая приближаться. И в тот миг, когда расстояние сократилось до вытянутой руки, всё изменилось.

Пустота в глазах незнакомца сменилась ледяной, нечеловеческой концентрацией. Пошатывание исчезло. Его рука метнулась под куртку и вынырнула, сжимая не простой нож, а кинжал с чёрным, матовым клинком, на котором мерцали отравленные древние символы. Удар был молниеносным, смертельным, направленным точно в сердце Марка.

Марк, застигнутый врасплох абсолютной «нормальностью» нападавшего, не успел среагировать вовремя. Он только начал движение уклонения.

Но Jäger быстро сориентировался. Его реакция была не физической, а скорее пространственной. Он не рванулся вперёд — реальность словно сдвинулась между Марком и клинком. Его рука, спрятанная в широком рукаве плаща, оказалась на пути лезвия.

Раздался не звон металла, а странный, приглушённый хлюпающий звук, будто резали плотный гель. Клинок, способный прошивать бронежилеты и рассекать призрачную плоть, глубоко вошёл в предплечье Jäger, застряв почти по рукоять.

Нападавший не издал ни звука. Его лицо оставалось каменным. Он попытался выдернуть клинок для второго удара.

Не вышло. Jäger мгновенно напряг мускулы вокруг лезвия, словно намертво впечатав его в свою плоть. Его свобод-

ная рука, сжатая в кулак, резко рассекла воздух и со свистом обрушилась на висок нападающего. Удар был сокрушительным. В нём слились физическая мощь и воля.

Человек отлетел в сторону, как тряпичная кукла, ударился о стену и обмяк. Из его уха потекла струйка крови. Но самое странное — из его рта вырвалось слабое, шипящее облачко чёрного дыма, которое тут же рассеялось в воздухе.

— Чёрт! — выдохнул Марк, уже с пистолетом в руке, осматриваясь по сторонам. — Ты... Рука!

Jäger медленно, с лицом, искажённым не болью, а холодной яростью, выдернул кинжал из предплечья. Рана не кровоточила. Из неё сочилась вязкая, тёмная жидкость. Она быстро загустела и стянула края пореза.

— Пустяк, — сквозь зубы процедил Охотник, бросая кинжал на землю. Тот зашипел, начал дымиться и медленно таять, как лёд. — Это не человек. Вернее, не совсем. Одержимый. Ранняя стадия, но уже с чёткой программой убийств. Проверь его.

Марк, всё ещё на взводе, подошёл к телу. Пульс был, но слабый. В глазах — пустота. На внутренней стороне предплечья — свежий, уродливый шрам в виде спирали с крючком.

— Метка. Такая же, как у той семьи, — мрачно констатировал Марк. — Они уже не просто искушают. Они создают убийц-зомби. Точечно. Профессионально.

Jäger сжал кулак повреждённой руки, проверяя. Движе-

ния были чуть скованны, но функциональны. Он посмотрел на исчезающий кинжал, затем на чёрный дымок, что унёс ветер.

— Они знают, что мы здесь. И послали нам... сообщение. — Охотник поднял взгляд на тёмное небо. — Патруль окончен. Вызывай команду «зачистки». Нам нужно копать глубже. Кто-то направляет этих одержимых. И у этого «кого-то» теперь есть мой... биологический материал.

В его голосе слышалась не только угроза, но и мрачное предчувствие. Эта ночь принесла не только мольбу призрачной сестры милосердия, но и первое кровопролитие в новой, ещё более жестокой войне.

Тихий переворот

Тишина в кабинете казалась обманчивой, как перед бурей. Вдруг раздался тихий стук в дверь, и спокойный голос Марка нарушил безмолвие:

— Шеф, гости с Алтая. Иван прибыл.

Дверь открылась, и в комнату уверенным шагом вошёл Иван. За ним, коротко кивнув Jäger, проскользнул Алекс — их верный водитель и «тень» командира на московских улицах.

Иван — крепкий, как старый кедр, в простой тёплой куртке, пахнувшей горными травами и чистым снегом. Его лицо, испещрённое морщинами, озарила искренняя улыбка при виде Jäger.

— Охотник! В целости и сохранности, — голос шамана, низкий и грудной, наполнил комнату, словно звук далёкого бубна. — Алексей поговаривал, что у вас по спортзалам фантомы чьи-то шляются. — В его глазах мелькнула лукавая искорка: связь между братьями-шаманами была мгновенной и не требовала телефонов.

Не церемонясь, Иван шагнул вперёд и обхватил Jäger в крепкие, дружеские объятия, хлопнув по спине так, что эхо разнеслось по кабинету. Затем, отступив, прищурил свои пронзительные глаза цвета горного озера и внимательно, как знахарь, осмотрел командира.

— Хм... Говорили, в новом теле. Говорили — не человек. А я гляжу — человек. Плоть, кровь, дух в порядке... — Он провёл рукой в воздухе перед Jäger, не касаясь, словно читая невидимые письма. — ... Но не до конца. Что-то иное в тебе пульсирует. Как огонь в глубине очага. Не плохо. Не хорошо. Интересно. — Шаман хмыкнул и сбросил с плеча объёмистый холщовый рюкзак, который с глухим стуком упал на стол. — Гостинцы от «волков». Мёд с кедрача, баранина вяленая, коренья от ста болезней. И самогон, — он извлёк из рюкзака приземистую, тёмную бутылку, залитую сургучом, — на травах, что только на северных склонах Сарлыка³ растут. От тоски, от холода и от дурных мыслей.

Марк, уже знавший ритуал, достал три грубых гранёных стакана.

— В самолёт то как пронёс?

— Со стюартами, — усмехнулся Иван, усаживаясь в кресло с видом человека, чувствующего себя здесь как дома. — У Архилоха свои договорённости с небесными службами.

Стаканы наполнились мутноватой жидкостью с терпким, травяным ароматом, от которого щекотало в носу. Выпили «За возвращение Охотника!», «За твёрдую землю под ногами!», ещё за что-то... Напиток обжигал горло, но потом разливался по телу согревающим теплом, проясняя мысли.

— Что ветры с гор принесли? — спросил Jäger, отставив стакан. Он уже позволял себе крепкие напитки. «На пра-

³ **Сарлык** — самая высокая гора Семинского перевала в Горном Алтае.

вах полноценного человека», как однажды пошутил Охотник. Его взгляд стал острым, как горный сланец. — Как там Архилох?

Иван выдохнул, и вся его добродушная суровость сменилась мрачной серьёзностью воина и шамана.

— Ветры принесли тяжёлые вести. О демонах в городе твоём говорят? — Он кивнул в сторону окна, за которым где-то вдалеке раскинулся мегаполис. — Беда. Но беда не в том, что они простых людей гложут. Люди — они как листья: облетят одни, распустятся другие. Беда в том, что они наверх пролезают. В структуры. К тем, в чьих руках власть, деньги, законы...

Марк присвистнул.

— Одержимый чиновник или генерал? Звучит как начало апокалипсиса.

— Хуже, — мрачно ответил Иван, отхлебнув самогонки. — Одержимый не рычит и не брызжет слюной. Он тихий. Разумный. Он сохраняет ум и навыки носителя, но волю его направляет в русло, нужное им. Может годами руководить, принимать решения, которые кажутся мудрыми, а в итоге ведут к пропасти. Руками людей великие беды творятся.

Шаман помолчал, давая словам осесть, как пыль после камнепада.

— Архилох однажды поделился со мной информацией, которая известна лишь немногим из григори. Оказывается, братство Забытых Печатей открыло Врата не случайно. Ими

григори управлял. Один из них же...

— Управлял? — уловил прошедшее время Jäger.

Иван кивнул:

— Да, управлял, пока не появился Он. Демон, который проник в наш мир через тот проклятый ритуал. Это не обычный бес-искуситель. Сила древняя, мудрая, княжеского ранга. Архилох знает множество князей тьмы. Один из самых главных — Астарот. Этот князь любит заменять земную власть. Он является в облике прекрасного ангела, но сеет развращение воли и подменяет решения.

Даже Jäger почувствовал, как холодная волна прошлась по его спине. Марк замер.

— Астарот... И он теперь... во главе Братства?

— Смещает того григори, — поправил Иван. — Не яростным переворотом. Медленным, но неумолимым захватом разума. Тот думает, что всё ещё главный, что всё идёт по его плану. Но планы уже не его. Власть в Братстве меняется. И новый «хозяин» куда опаснее старого. Старый хотел знания, пусть и слепого. Новый... — Иван развёл руками. — Цель демона — сама ткань реальности. Её искажение, подчинение, превращение в свой чертог. Братство для него — лишь первый шаг... Наступают тревожные времена. Не как гроза, которая гремит и уходит. А как тихая, ядовитая мгла, заполняющая ущелья, пока станет нечем дышать.

В кабинете повисло тяжёлое молчание. Враг обрёл имя, титул и чудовищный масштаб. Астарот был не просто демо-

ном — он был стратегом, паразитирующим на самой власти.

— Что предлагает Архилох? Каков его приказ? — Jäger потёр подбородок. Его голос оставался спокойным, но глаза горели ледяным огнём, который Иван уже видел раньше.

— Приказ — держать строй. Укреплять своих. Искать слабые места в новой иерархии Братства. Астарот силён, но он здесь — лишь гость. У него должны быть слабые места и точки опоры в нашем мире, которые можно выбить. И... — Иван пристально посмотрел на Jäger, — ... следить за тобой. Ты теперь не просто Охотник. Ты — событие. Для них ты или угроза номер один, или... инструмент, который можно обратить. Архилох велел передать: «Не доверяй даже собственной тени. Особенно — собственной тени».

Jäger медленно кивнул. Он понял всё. Война вступила в фазу тихой, невидимой чумы, имя которой — Астарот. Им же предстояло стать врачами в этом охваченном недугом мире.

Иван

Глава 2. Испытание

Ева

Выходной, объявленный для измотанной команды Сумеречных, повис в воздухе странным, зыбким маревом. Приказ «не расслабляться» создавал лёгкий когнитивный диссонанс: город жил своей обычной, шумной жизнью, а они должны были смотреть на него сквозь призму вечной угрозы. Лиза и Алексей, взяв на себя роль гидов, повели Ивана смотреть «на ваши каменные скалы», как выразился шаман. Марк, что-то невнятно пробурчав про «отчёты и одну контору», исчез в мгновение ока.

Jäger решил пройтись по городу в одиночку. Одежда нарочито просто: джинсы, кроссовки, чёрная толстовка. Толстовка была с глубоким, нависающим капюшоном — неизменный атрибут Охотника. Эдакий кокон из ткани, скрывающий слишком пронзительный взгляд или нечеловеческую реакцию.

Днём мир казался иным. Тени, беспокойные духи и сущности прятались, растворяясь в солнечных лучах и человеческой суете. Их почти не было заметно. Ощущение пустоты. Но от этой пустоты становилось тревожно...

На Патриарших, у одного из пафосных ресторанов, Jäger

заметил сцену, которая сразу привлекла его внимание. Она выглядела как грязное пятно на яркой открытке. Мужчина (типичный мужлан) внушительных габаритов в дорогой, но мятой куртке крепко держал за руку девушку. Та отчаянно сопротивлялась, пытаясь вырваться, в её глазах застыл ужас.

— Отстань! Я не поеду с тобой! Помогите! — пронзительно кричала девушка, в отчаянии оглядываясь по сторонам. Но прохожие лишь ускоряли шаг, уткнувшись в телефоны.

Что-то щёлкнуло в Jäger. Не ярость. Не героизм. Холодный, аналитический инстинкт. Сцена была слишком... типичной. И оттого — подозрительной? Или это паранойя, разъедающая разум после вчерашних откровений? Охотник подошёл к мужчине, закрывая путь к внедорожнику.

— Оставьте девушку, — произнёс Jäger спокойно, почти вежливо. Его голос звучал без угрозы, но с такой непоколебимой уверенностью, что грубиян невольно замер.

Затем его лицо исказила новая волна бешенства.

— А ты кто такой, урод? Пошёл на х.., не лезь не в своё дело! — Грубиян размахнулся для удара. Движение размашистое, пьяное, непрофессиональное.

Jäger даже не сдвинулся с места. Его рука метнулась вперёд, не для удара, а для захвата. Он поймал запястье нападавшего в воздухе и сжал. Раздался негромкий, но отчётливый хруст — не перелом, но болезненное смещение костей, достаточное, чтобы лишить руку силы. Мужлан взвыл от боли и неожиданности, согнувшись пополам.

Не глядя на него, Jäger разжал пальцы. Грубиян, хватаясь за повреждённую руку, со стоном отступил к машине, бормоча:

— Всё, всё, забирай свою дуру...

Jäger обернулся к девушке. Она стояла, сжав руки у груди, и тяжело дышала. Её красота была необычной — не кричащей, как у моделей, а изящной, почти неземной. В выразительных зелёных глазах с густыми ресницами отражалась нежность. Светлые волосы, выбившиеся из небрежного пучка, придавали незнакомке особую мягкость. Девушка поправила элегантное пальто и подняла с асфальте женскую сумочку.

— С вами всё в порядке? — поинтересовался Охотник, неожиданно для себя смягчив тон голоса.

Незнакомка кивнула, прерывисто дыша.

— Да... Спасибо. Вы... вы не испугались.

— Нет, — просто ответил Jäger. — Куда вас проводить?

Девушка взглянула на него. В её глазах читались благодарность, шок и растерянность.

— Я... не знаю, — прошептала она дрогнувшим голосом.

— Я не местная. Приехала в командировку... из Питера. Тот... тип — мой коллега. Думала, просто поужинаем, поговорим о делах, а он... — Девушка содрогнулась. — А он оказался каким-то озабоченным. Я даже в отель сейчас боюсь одна возвращаться.

Прекрасная незнакомка выглядела абсолютно искренней.

Дрожь в руках, испуг в глазах, логичная история. И всё же... Едва уловимая тревога заняла где-то в глубине сердца.

Ситуация слишком в тему? Слишком идеально, чтобы быть правдой? Или он так увлекся тайнами заговоров, что перестал видеть обычные человеческие проблемы?

— Ладно, — мгновенно принял решение Jäger. Паранойя паранойей, но оставлять человека в беде он не мог. — Пойдёмте. Выпьем чего-нибудь горячего, успокоитесь... А там решим, что делать.

Охотник предложил девушке руку. Та вцепилась в его ладонь холодными, как лёд пальцами.

— Меня Ева зовут, — смущённо улыбнуться блондинка. Улыбка вышла слабой, дрожащей, но невероятно обаятельной. — А вас?

Jäger не ответил. Он лишь глубже натянул капюшон и повёл новую знакомую прочь от ресторана в шумный полуденный город...

Радости жизни

Номер был типичным для дорогого бутик-отеля: стильный минимализм, панорамное окно с видом на вечернюю Москву, большая кровать с белоснежным бельём. На низком столике у дивана стоял поднос: свежие ягоды, виноград, и бутылка красного вина с уже откупоренной пробкой. Два хрустальных фужера ждали своего часа.

— Видимо, сервис, — с лёгкой, всё ещё нервной улыбкой сказала Ева, сбрасывая пальто. Под ним оказался простой, но безупречно сидящий на её фигуре свитер и узкие джинсы. Она двигалась с грацией, которая завораживала. Каждый её жест — поправить волосы или наклониться к подносу — был исполнен невероятной, сокрушительной притягательности.

— Они всегда что-то такое оставляют для гостей. Может... отпразднуем знакомство? Ты спас меня. Я хочу хоть как-то отблагодарить.

Голос Евы — мягкий, обволакивающий, с лёгкой хрипотцой. Он проникал внутрь, вызывая трепет. Блондинка смотрела на Охотника своими прекрасными изумрудными глазами, в которых читалась не только благодарность, но и искренний интерес. В них не было ни капли напора — только открытость, уязвимость и тихое приглашение.

Jäger колебался. Его разум, закалённый в боях и сомнениях, посылал слабые, едва различимые сигналы. «Осторожно:

слишком гладко, слишком вовремя...». Но тело... оно отзывалось на Еву глухой вибрацией. Охотник стоял посреди комнаты, скрывая лицо под капюшоном. словно пришелец из другого мира, заглянувший в уютное, светлое убежище.

— Я не пью, — ответил он, но это прозвучало уже не как жёсткий отказ, а как последняя, едва уловимая формальность.

— А кто пьёт? — мягко возразила Ева, разливая вино. Алый поток с нежным бульканьем наполнил бокалы. — Ты же говорил, что у тебя выходной. День, чтобы просто расслабиться.

Блондинка протянула Jäger фужер, их пальцы едва коснулись. Крошечная, но заметная искра пробежала по его коже. Охотник осторожно принял бокал из рук девушки, сделал глоток. Вино оказалось густым, сладким, с долгим послевкусием тёмных ягод и чем-то неуловимо пряным. Тепло мягко растеклось по телу, унося напряжение и смягчая мысли.

Они говорили... О чём? О чём-то незначительном. О городе, о музыке, о вкусе вина. Ева слушала с таким вниманием, как будто каждое его слово было откровением. Она смеялась, и этот смех был похож на перезвон хрустальных колокольчиков. Блондинка приближалась, чтобы поправить складку на его рукаве, и от неё пахло чем-то невероятным — не духами, а чистотой, теплом кожи и далёким, свежим ветром.

И Jäger... поплыл.

Капюшон полетел первым. Затем последовала толстовка. Каждое её прикосновение напоминало электрический разряд, который пробирал до костей и разрушал барьеры отчуждения. Когда их губы встретились, её оказались мягкими, влажными и удивительно открытыми. В поцелуе была не только страсть, но и признание — безоговорочное, лишённое малейшего сомнения или страха перед ним.

И тогда в Jäger словно что-то пробудилось, вырвавшись на свободу...

Это не было похоже ни на что из его прошлого — ни человеческого, ни того, что было до... Это была не просто связь. Это было разрушение реальности. Граница между ними исчезла в вихре эмоций. Каждое прикосновение, каждый вдох, каждый стон пробуждали в нём бурю, поглощающую всё вокруг. Он не просто желал её... Он жаждал раствориться в этом пламени, в её теле, в безумстве, которое она так легко разжигала в нём.

Обрывки мыслей проносились в его сознании, тонущем в океане чувств: «Я живой. Это моя плоть. Моё тепло. Моё желание». «Зачем убегать? Зачем отрешаться? От чего? От этой полноты чувств?». «Какие у меня радости? Тьма. Охота. Холод. Вечная война». «А здесь... здесь она. Шикарная. Искрящаяся. Живая. Та, с которой хочется засыпать, запуставшись в её светлых волосах, и просыпаться от её дыхания на своей коже».

Охотник потерял счёт времени, пространству, самому се-

бе. Мир сузился до аромата её кожи, до звука её голоса, шепчущего его имя (как она его узнала?). До невероятной, ослепительной красоты её тела, откликающегося на каждое его движение с такой же яростной, безудержной отдачей...

Это была не просто страсть. Это было забвение. Самый сладкий, самый опасный яд — иллюзия того, что он может быть просто человеком... что у него может быть простая, человеческая радость... что всё это — не ловушка, а дар.

Когда наступила тишина, он лежал, прижавшись лицом к её шее и слушая мерный стук сердца (слишком ровный... или это ему только показалось?). В нём не было ни настороженности, ни силы. Осталась лишь оглушённая, блаженная пустота. И смутное ощущение, что что-то важное, какая-то часть его существа, была на время отключена. Усыплена. Украдена.

Ева обвила плечи Охотника своими нежными руками. Её ровное дыхание было тёплым и чистым.

— Спи, — прошептала она. Её голос прозвучал как колыбельная, как заклинание. — Ты заслужил покой.

И он, Jäger — повелитель теней, почти бог войны в своём мире — послушно закрыл глаза. Тёмные бархатные волны небытия унесли его прочь от реальности. На мгновение. На час. Навсегда?

Ева

Конец иллюзиям

Неделя пролетела на одном дыхании. Для Jäger эти семь дней стали сплошным, счастливым мгновением. Он жил в двух реальностях. В одной он был командиром, проводил совещания, отдавал приказы. Его голос звучал твёрдо, а решения оставались безошибочными. Но это был лишь автопилот. Его истинное «я» исчезало из штаба сразу после последнего доклада и мчалось в московскую явочную квартиру. Теперь там пахло не пылью и оружием, а духами, вином и её кожей.

Марк поначалу только посмеивался, подтрунивал: «Наконец-то, братан! Откупорил своего джинна! Живёшь, как последний день!». Он искренне радовался за друга, видя в его внезапной «человечности» признак исцеления. Но постепенно радость сменилась настороженностью. Командир был слишком спокоен. Слишком отстранён во время брифингов. В его глазах, всегда таких пронзительных, появилась какая-то мутная поволока, словно он смотрел не на карту операций, а на что-то далёкое и приятное. А однажды Марк, движимый внезапным порывом старой разведческой привычки — проверять тылы, — проследил за командиром. Увидел, как тот входит в квартиру. И сделал логичный, но роковой вывод: «С Корой зажигает. Ну что ж, молодцы».

И вот настал день, когда всё наконец прояснилось...

Jäger, прочитав сообщение (Марк не видел экрана — от кого оно было), резко поднялся из-за стола, коротко бросив: «Дела. До завтра». И почти побежал к выходу. Инстинкт заставил разведчика последовать за другом. Но в коридоре он буквально натолкнулся на Кору.

Оперативница уверенно двигалась навстречу, с папкой в руках, сохраняя серьёзный и сосредоточенный вид.

— О, Кора? — Марк ухмыльнулся, кивнув в сторону удаляющейся спины командира. — А я думал, вы... вместе. Он же к тебе мчится, как на крыльях.

Кора замерла. Её красивое, всегда собранное лицо исказилось сначала недоумением, затем — леденящим душу пониманием.

— Ко... мне? — переспросила девушка медленно. — Я давно с командиром не пересекалась. Ищу его который день, чтобы подписать документы.

Взгляды их встретились. В глазах Марка отразилась нарастающая тревога. В глазах Кору — вспышка чистой, неконтролируемой ярости, смешанной с профессиональной бдительностью.

— Он... не со мной, — прошептала она, и каждый звук был как удар ножом. — Значит, он с... кем-то ещё.

И тогда оперативница сорвалась с места. Не бежала, а мчалась, как фурия, сметая всё на своём пути. Марк, опомнившись, бросился за ней.

Кора нагнала Jäger уже у служебного выхода.

— Стой!

Крик Кору заставил Охотника обернуться. В его взгляде пульсировало раздражение, как у человека, которого отрывают от чего-то очень важного.

— В чём дело?

Девушка молча схватила Jäger за рукав толстовки и побледнела. Она была экспертом по энергетическим следам и астральным отпечаткам. Её «тонкое чутьё» улавливало демонические вибрации лучше любого прибора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.